

Эшколот 2017, Иерусалим
«Война и мир языков»

Роман Кацман
«Философия языка Ш. Й. Агнона»

(Тексты к выступлению для Антологии фестиваля)

Ш. Й. АГНОН:

КРУГИ СПРАВЕДЛИВОСТИ	(“Maaglei tsedek”, in <i>Elu ve-elu</i>)
ПЕСНЬ, ЧТО БЫЛА ВОСПЕТА	(“Ha-shir asher hushar”, in <i>Samukh ve-nir’e</i>)
ПОКА НЕ ПРИДЕТ ЭЛИЯГУ	(“Ad she-yavo Eliyahu”, in <i>Ir u-mlo’a</i>)

*

Ш. Й. АГНОН

КРУГИ СПРАВЕДЛИВОСТИ¹

В одном польском городке жил старик, который делал уксус. Его отцы и деды были известными торговцами вином, но в теснине времен разорились и не оставили ему ничего, кроме плохонькой квартирки да прокисшего вина. Да и в квартире этой не знал он добра: когда сыновья были еще маленькими, умерла его жена, а когда выросли, их забрали в армию, и они погибли на войне. Старик остался один. Пять дней в неделю он делал уксус, а в канун субботы наполнял уксусом большой кувшин и обходил с ним весь город. Нередко он думал: «Кто я такой и что у меня за жизнь? День за днем я делаю уксус, а продав его, снова делаю уксус, чтобы снова его продать. И все это только для того, чтобы прокормить это брэнное тело. Если бы были живы жена и дети, я бы заботился об их пропитании, но теперь, когда жена умерла и мое семя исчезло с лица земли, чего ради я так лезу из кожи вон?» Он плакал и вздыхал, и так горько стало ему влачить пустую череду своих лет, что работа потеряла, наконец, всякий смысл в его глазах. Даже цидит и тфилин не значили больше ничего. Только любовь к Земле Израиля теплилась еще в его сердце. И он решил отправиться туда и обрести там, если повезет, вечный приют. Он начал отказывать себе в еде и лишил себя тех немногих удовольствий, которые у него были. Он даже перестал пробовать фрукты, которые предназначались для уксуса, перебиваясь небольшим ломтиком хлеба, смоченным в слабом вине. По понедельникам и четвергам он постился и привык довольствоваться малым. В канун субботы, продав уксус, он усаживался на камне по дороге домой, вынимал из кармана монеты, половину оставлял себе, а другую опускал в один из тех ящичков, которые в этой стране устанавливали у изваяний «того человека» на перекрестках дорог. Он был так наивен, что не знал, для чего этот ящик предназначен; ему казалось, что нет места надежней этого. Медяки он оставлял себе на текущие нужды, а серебряные монеты откладывал на дорогу в Землю Израиля и всякий раз процарапывал метку на своем кувшине.

С этих пор трудился он с радостью. «Какое чудо, – говорил он себе, – прежде мне была противна моя работа, а теперь мне трудно оставить ее. Та же утварь и тот же уксус, а я не чувствую, как пролетает день». В полночь он вставал с

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 52 (2015). С. 186-190.

постели, брал свой кувшин и плясал с ним, пока не подходило время утренней молитвы. Молился он рассеянно и сбивчиво: его занимали подсчеты, сколько меток он нацарапал на кувшине и сколько денег скопилось у него в ящике. «Господи, – оправдывался он, – Тебе известно, что все мои подсчеты не имеют другой цели, кроме восхождения в Твою Святую Землю. Возведи же меня, а там уже я вознесу Тебе безупречную молитву».

Так прошло несколько лет. Старик трудится с любовью, обходит город со своим укусом и делит выручку пополам: одна половина – на пропитание, другая – на дорожные расходы; и снова делает укус, и снова продает его в городе и распределяет доход: половину – на жизнь, другую половину – в тот заветный ящик. Годы шли, но, как свойственно простым людям, старик не оставил своего замысла. А между тем стены его дома обветшали и потрескались. Крыша прохудилась, и когда шел дождь, капли просачивались сквозь его одежду. Налоги и подати росли с каждым годом. Если он задержится здесь еще, то власти отберут у него дом или же этот дом станет его могилой. Лежит мастер укуса на кровати и слушает, как от стен отваливается штукатурка, кусок за куском отрывается и почти неслышно падает, полная влаги. Но сердце старика звенит, как колокол, от радости, что Бог милосердный держит его душу в теле и не дает ему умереть за пределами Земли Израиля. Как пропоет петух, старик оmyвает руки, протирает глаза, зажигает свечу, усаживается на пороге и, накрывшись талитом, как во время траура, оплакивает изгнание. Но вдруг, заметив свой кувшин и увидев, сколько на нем меток, он вспоминает о деньгах, отложенных на дорогу, и тогда берет в руки кувшин, и выстукивает на нем песнопения и славословия, и кладет руку на пояс, и поднимает плечо, и восклицает: «Сколько меток на кувшине? Две, три, сорок, пятьдесят, сто!..» – и начинает плясать от радости, да не так, как танцоры, подпрыгивающие выше головы, и не как те, что несутся в пляске из одного угла в другой, а скорее как те, что поводят одним плечом вокруг другого, и плечи водят вокруг них хоровод. И так он танцует, пока не раздастся голос служки, зовущего на молитву. Услышав его, старик смущается и тихо произносит: «Что ж, пойду на молитву». Устыдясь самого себя, того, что испытал он радость в этом мире, старик берет талит и тфилин и выходит. До чего же изорван этот талит, весь прогнил он от слез. Слава Богу, он едет в Иерусалим: там ведь хоронят без талита. Окончив молитву, если нет поста, старик макает ломтик хлеба в слабую бражку и касается языком земли, дабы не соблазниться искушениями мяса и вина. Затем он садится за работу. Пять дней в неделю делает укус, а в канун субботы наполняет кувшин и ходит по городу. Вернувшись, он делит монеты: половина – на жизнь, половина – на дорогу. И когда никто не видит, он разрывает паутину, затянувшую за неделю щель ящика, установленного меж рук «того человека», и опускает в нее свои монеты. Наивен он и не знает, что это за ящик. Опустив же монеты, делает на кувшине новую метку.

Прошли годы. Тело старика изогнулось и стало похоже на шофар, издающий поминутно жалобные стоны. Укус съел половину его легких, и он с трудом мог дышать. Большую часть времени он постится, и уже не на чем держаться одежде, но каждый субботний вечер прибавляется на кувшине по одной новой метке. Больше, однако, этот кувшин меток не вынесет, и старик уже начал подумывать, что пришло время отправиться в Землю Израиля: «Когда я в последний раз опускал монеты в ящик, они уже выпирали из щели». Но пока кувшин цел, с ним трудно расстаться. И вот однажды треснул кувшин, и пролился укус. Продавал ли он еще укус, мне не известно. Но я слышал, что пошел он к иконе «того человека» и поднял камень, чтобы сломать ящик и взять свои монеты. Слышал я также, что как раз в это время подошли ксендзы, чтобы открыть ящик, и они увидели старика стоящим возле ящика с камнем в руке. Его схватили и бросили в темницу. Сидит он в темнице, а весь город бурлит, как адский котел. Одни говорят: «Ужасный век, скверны дела людей, и нет им веры!» Другие говорят:

«Ремесленник под стать своему ремеслу; как вино, сгнивая, становится уксусом, так и старик этот в конце концов стал злодеем». И все, потупившись, вздыхают о свершившемся святотатстве и причитают: «Эх ты, уксус, винный отпрыск».

А старик сидел в темнице, закованный в железные цепи. Правда, кандалы не сжимали его тонких, как тростинки, рук. Когда Бог посылает человеку беду, Он подслащивает ее горечь, чтобы легче было пережить страдания. Старик сидел и потряхивал цепями, когда из щелей стала выползать всякая мерзость. Из страха опуститься на пол он положил голову свою между коленями своими, как бы погружаясь в видение колесницы, пока не привели его в суд.

Судья сказал:

– Ты признаешься, что собирался взломать ящик?

– Я собирался открыть ящик, потому что деньги...

Но судья не дал ему закончить и закричал:

– Подсудимый признается, что хотел взломать ящик!

Старик хотел было объяснить судье, что он не совершил никакого преступления, что в ящике были его деньги и что поэтому – неповинен человек, укравший у самого себя. Но, видно, так уж было угодно Богу, что чем больше он говорил правду, тем больше казалось, что он лжет. Судья вызвал свидетелей.

Вошли ксендзы, достали из-за пазухи свои святыни, поцеловали их и поклялись, что в такой-то день такого-то месяца, в такой-то час они подошли к такому-то ящику, чтобы открыть его, и застали там еврея, который держал в руке камень и намеревался этот ящик взломать.

Сказал им судья:

– Вы узнаете этого старика? Это он собирался взломать ящик?

– Да, – отвечали они, – мы свидетели этому.

Старик ничего не понимал: как такие благообразные люди клянутся в том, в чем клятва не нужна вовсе?! Он тряхнул руками, и его цепи громко зазвенели.

– Ты хочешь сказать, – произнес судья, – что эти почтенные свидетели лгут?

Боже упаси, у него этого и в мыслях не было. Ведь он и вправду собирался открыть ящик. Зачем это судье понадобилось подбивать его на ложь? Нет, он не станет лгать; он только хочет, чтобы ему отдали его деньги. Его руки и ноги в кандалах, и все, что ни произносят его уста, идет ему же во вред, но все же есть у него еще глаза. Он поднял глаза и заглянул в лица судьи и свидетелей. Колдовство какое-то: все говорят правду, а правда не дает свершиться правосудию. Посматривая на свои кандалы, старик одним глазком взглянул поверх головы судьи и вдруг увидел на стене икону «того человека». «Ты еще и улыбаешься мне!» – хотел было воскликнуть он, но только ударил кулаками по столу, да так, что звон цепей загремел по всему залу, и закричал:

– Отпустите меня и верните мне мои деньги!

Его избили и вернули в темницу.

Старик сидел на соломе и плакал: «Боже всемогущий, Ты знаешь, сколько лет мыкался я в изгнании, хорошей еды не ел, красивой одежды не носил, в хорошей квартире не жил, и все мои годы были кислыми, как уксус. И все это я принимал с любовью, лишь бы попасть в Твою Святую Землю. И сейчас, когда уже пришло время, у меня отняли все и бросили в тюрьму». Так, плача, он и задремал.

В полночь он проснулся. Нет в темнице ни мезузы, ни кувшина. Стал он позвякивать цепями и затянул грустным голосом те песни и славословия, которые он привык петь по ночам. Он пел и пел, пока не задремал снова. Вдруг дверь отворилась, и показался силуэт человека. В руках он держал каменный ящик. Некое подобие улыбки озаряло его лицо. Старик отвернулся и попытался снова уснуть. Но «тот человек» поставил его на ноги и сказал:

– Держись за меня, и я отнесу тебя, куда пожелаешь.

Старик поднял свои руки и сказал:

– Как же я могу держаться за тебя, если мои руки закованы в железные цепи?

– А ты попробуй.

Старик протянул руки и обхватил его шею. А тот улыбается и говорит:

– Сейчас я отнесу тебя в Землю Израиля.

Старик обнял «того человека» за шею, и он повернулся лицом к Иерусалиму. Они полетели в первый раз. Вдруг исчезла улыбка с лица «того человека». Они полетели во второй раз – и у старика заоченели руки. Когда полетели они в третий раз, он почувствовал, что обнимает холодный камень. Его сердце затрепетало, руки ослабели, и он сорвался и упал на землю. Когда на следующий день тюремщики вошли в темницу, в ней никого не было.

В ту же ночь в иерусалимской ешиве раздался стук. Выйдя на улицу, все увидели, как сонм ангелов возвращается из изгнания и как будто несет человека. Его приняли и похоронили в ту же ночь, ибо не оставляют покойника без погребения до утра в Иерусалиме.

(Пер. Р. Кацман)

Ш. Й. АГНОН

ПЕСНЬ, ЧТО БЫЛА ВОСПЕТА¹²

Он снова пришел, этот милый человек. Улыбка сияла на его губах и золотила запыленную бороду. Эта вечная улыбка придавала его лицу черты посредственности. Однако была в нем какая-то невинность, которая преображала его движения и волновала меня.

Он был сухощав и носил потертую одежду, как те нищие, которые не могут купить себе новой. При этом, на его одежде не видно было ни дыр, ни заплат. Его плечи были сгорблены, как у человека, который несет тяжкий груз и не знает об этом.

Его история началась так. Когда ему было тридцать лет, он приехал в Землю Израиля и выучился на наборщика. Он был рад своими руками зарабатывать свой хлеб и кормить жену и детей. Но вскоре его работа стала ему в тягость, ибо по большей части ему приходилось набирать юмористические брошюры или ученые трактаты; его душа не лежала ни к тому, ни к другому. В типографиях же, где печатают религиозные книги, работа велика, а плата мала. Тогда он взял кое-каких книг, из тех, что никогда не вредно перечитать, и стал разносить их по городу. Одну из них, ту, что и наш рабби хвалил, он принес мне и предложил купить.

Пока я разглядывал книгу, он начал, как обычно, рассказывать чудесные истории, толкуя Тору и стараясь привлечь меня к тому, что интересно ему. О связке книг в его руках он и вовсе позабыл.

Я взял у него книги, его самого усадил на стул и спросил, как он, такой слабый человек, может носить такую тяжелую ношу. Он улыбнулся и ответил:

-- Труден хлеб человеческий.

-- Ведь ваши родственники в Америке зовут вас к себе. Они помогли бы вам достойно зарабатывать свой хлеб.

-- Мои родственники, -- сказал он улыбувшись, -- большие богачи, но у них нет любви к Земле Израиля. Им кажется, что можно оставить Землю Израиля ради заработка. Виленский Гаон говаривал: «Все, что обосновано мудрецами, незыблемо вовеки». Труден хлеб человеческий, как разведение вод Черного

¹ © Роман Кацман. Перевод не опубликован.

² Неточ.: Исаия 26:1

моря.¹ Так было в их времена, и так будет до конца дней: богатство для богатого, бедность для бедного.

И он рассмеялся, как будто трудности заработка – это ужасно смешная вещь.

-- Говорят, -- добавил он, -- что Бааль Шем Тов как-то сказал: «В Талмуде сказано: *Хани трей бадохей*² и т. д., мол, вот идут два весельчака, радующие людей; а ведь был там только один, и он смеялся над миром, а мир смеялся над ним». Так и мои родственники смеются надо мной, что я живу здесь, а я смеюсь над ними, что они живут там.

Так сидел он передо мной, и его лицо было радостно, как и всегда – перед Создателем, наедине с собой или среди людей на базаре. Он и не заметил, что я его не слушаю. Моя жена, напротив, стояла и внимательно слушала. Если не ошибаюсь, там были и мои дети, но слушали они или просто стояли, я не знаю.

Когда он ушел, я подумал: «А ведь он из Общины чистых сердцем; над их книгами я корпел в детстве, и вот я живу с ними в одном городе уже много лет, и не бывал ни разу в их синагоге». Много раз я хотел побывать там, чтобы увидеть танец, который они танцуют каждый день после молитвы.

Я поднялся и стал расхаживать по комнате, всматриваясь в стены, в потолок, в окно и в то, что за ним, как будто там чего-то не достает. Не переставая высматривать да поглядывать, я подошел к шкафу и взял мою субботнюю одежду.

-- Ты уходишь? – спросила меня жена.

-- С чего ты взяла?

-- Я вижу, ты взял субботнюю одежду.

-- Может, пойдешь со мной?

Она согласилась, тогда я спросил детей:

-- А вы хотите пойти со мной?

-- Пойдем, -- ответили они.

Я посмотрел на них как-то особенно нежно и хотел было сказать: «А вы знаете, куда папа хочет идти?», но промолчал и ничего не сказал.

Я даже не задумался о том, как я попаду в синагогу Общины чистых сердцем, как я найду дорогу, ведь я ни разу там не был. Поскольку низки они в своих глазах перед Богом, низки они и в глазах людей, а потому бесполезно расспрашивать о них прохожих. Итак, я решил идти, куда сердце подскажет.

По дороге, я рассказал жене и детям кое-что об Общине чистых сердцем, об их служении Господу, об их смирении и необыкновенной скромности, которая больше красоты, выше благообразия. И видя, что мои жена и дети слушают меня, я рассказал им о том праведнике, который более ста лет назад покинул этот мир, но огонь его пылает до сих пор, и, возможно, будет пылать до прихода Мессии.

Их синагога – это две комнатки с выходом прямо на улицу. Низкая стена отделяет ее от других улиц. Эта опаленная солнцем стена покрыта дикой порослью, в которой, как утренняя роса среди песков пустыни, поблескивают осколки бутылок.

Моя рука сама поднялась и легла на ручки замка,³ сливаясь с ними.

-- Здесь, -- прошептал я.

-- Здесь, -- отозвалась жена. Она накрыла волосы и поправила шапочки детям.

В синагоге было около двух десятков человек – старики, юноши и те, что уже расстались с юностью, но еще не состарились. Все они были похожи друг на друга -- то ли потертой одеждой, то ли мятыми шляпами, то ли смиренностью или грустью пополам с радостью на их лицах. Такава радость тех, кто, служа Богу,

¹ Вавилонский Талмуд, тр. Псахим 118

² Вот два весельчака (арам.). Неточ.: Вавилонский Талмуд, тр. Таанит 22А

³ Песнь песней 5:5

стремится приблизиться к пути истины, но, на самом деле, уже идет по нему. Некоторые стояли и посматривали в книги, другие прохаживались из комнаты в комнату. Пейсы поглаживали их щеки, вились их бороды... И из пола и стен доносился то ли звук, то ли нет, что-то, похожее на звучание краски, которой гравер покрывает буквы надгробия, или на звук, который издает старый талес, когда глотает слезы.

Затаив дыхание, я дал знак жене и детям, чтобы они прислушались. Они стали всматриваться, да так, что их глаза выскочили из орбит.

К тому времени молитва уже закончилась, и теперь все должны были собраться и как один пуститься в пляс. Но этого не произошло. Каждый стоял сам по себе, и танцевать никто не собирался. И я тоже стоял один, как в сумерках вечером девятого Ава, стараясь сдержать свои мысли и ни о чем не думать.

Вдруг раздался то ли звук, то ли нет, нечто похожее на то, как звучит одно мгновение, когда оно встречается с другим и расстается с ним навеки. Я поднял глаза и увидел того человека, который был у меня сегодня, стоящего лицом к людям. Улыбка, сиявшая прежде на его лице, была оторвана и отброшена, ладони были сжаты в кулаки от страха. Он говорит сам с собой, его голос объемлет его слова, и его слова объемлют его голос. И я услышал:

Пустыня – это дым вселенной
И солнцем скованная тень.

Я не знаю, сложились ли эти строфы из его речей, или они родились из мелодии, как рисующий образы в небе дым рождается из огня, или как из селения рождается пустыня, где печет солнце и ни для кого нет тени.

Мои руки сжались и задрожали, будто объятые тем же страхом. Похоже, то же случилось и с моими женой и детьми. Я поднял глаза, чтобы убедиться, так ли это, но они вдруг исчезли, а может, их и вовсе не было. Была только милая улыбка, парящая в воздухе, словно сон, который видится нам и, как нам кажется, всем остальным.

(Пер. Р. Кацман)

Ш. Й. АГНОН

ПОКА НЕ ПРИДЕТ ЭЛИЯГУ¹

1

Между Старой синагогой и Новой, рядом с той дверью, что напротив купальни, стоит небольшой деревянный ларец. Такого ларца не видывали ни мы, ни наши предки. Меняются поколения, а все стоит этот удивительный ларец, и ни воры его не украли, ни любопытные руки не сдвинули его с места. Чей же он? Кто оставил его здесь? Об этом, пожалуй, стоит рассказать.

В нашем городе, когда нанимали на работу служку, выдвигали условие: для тех суббот, когда читают главы Торы с перечислением проклятий, обязуется он найти человека, который согласен прочесть эти проклятья. А не найдет – прочесть должен будет он сам. При этом, однако, отмечали, что с тех пор, как стоит Бучач, еще не приходилось службе стоять под градом этих проклятий, ибо нет такого служки, который не смог бы найти нищего, готового за деньги занять его место,

¹ Опубликовано: Иерусалимский журнал, № 48 (2014). С. 155-167.

ведь нищие всегда рады разжиться хоть чем-нибудь. Однажды случилось так, что пришло время читать главу «Когда ты придешь», а служка Новой синагоги все еще не нашел нужного человека. Неужели перевелись на земле все нищие?

Вот как было дело. Когда прошло больше половины недели, служка начал беспокоиться, как бы не пришлось ему самому взойти к чтению этой главы о проклятиях. И было ему из-за чего беспокоиться, ведь все люди грешны: богатый – в меру своего богатства, а бедный – в меру своей бедности. Если грешат даже богатые, те, у кого нет недостатка ни в чем, то тем более – бедные, у которых нет ничего, кроме их бедности, как у нашего незадачливого служки. Как-то выдался такой холодный год, что его малыши заболели. Пожалел он их, взял немного дровишек в синагоге и затопил ими печь в своем доме. В другой раз, когда пришла Ханука и не было у него масла для ханукального светильника, пришлось ему взять масло из синагоги. Дрова и масло, предназначенные для учения и молитвы, употребил он для себя.

Бог терпелив, Он не торопится взимать плату за зло. Другое дело человек. Жила тогда в городе одна бедная женщина. Муж ее умер и не оставил ей ничего, кроме маленького сына, единственного ее утешения. Но вскоре, видно, отец затосковал по сыну и взял его к себе. Как-то ночью явился мальчик своей матери во сне, тихий и грустный.

– Что, сынок, – сказала она, – разве плохо тебе с отцом?

– Мне было бы хорошо, – ответил ей сын, – если бы здесь, в вашем мире, кто-нибудь замолвил хоть словечко за упокой моей души.

– Сынок, сердечко мое, – вскричала мать в ужасе, – что ты такое говоришь? Разве не наняла я служку Новой синагоги, чтобы он три раза в день каждый день читал за упокой твоей души поминальную молитву и Мишну с комментарием? Разве не продала я ради этого тот платок, что твой отец подарил мне на твое рождение, а ты говоришь мне: было бы хорошо, чтобы хоть одно слово было сказано за упокой моей души!

На следующий день пошла она проследить за служкой. И видит: сидит он перед Мишной, положил голову на книгу и спит. Узнала она, что не читает он поминальной молитвы по ее сыну, а вместо этого нанялся читать молитвы на несколько годовщин. Ее сердце наполнилось гневом, и она обрушила на него всю ярость главы проклятий. Служка знал, какую силу имеет проклятие вдовы, и ему стало не по себе, когда он подумал, что, если не найдется ему замена, должен будет он сам взойти к Торе и на его голову снова посыпятся вдовьи проклятия. В четверг, не найдя никого, он совсем впал в отчаяние, забыв, что иногда провидение с легкостью отводит от нас беду в самый последний момент.

2

Когда вышел последний молящийся, служка открыл Мишну. Многие вдовы и сироты платили ему за чтение Мишны в честь их умерших родственников. Кто мог, добавлял пару монет за чтение Мишны с комментариями; кто не мог, полагался на милосердие Всевышнего, который, уж конечно, не оставит покойного, даже если какая-то глава Мишны будет прочитана без комментариев. Служка не был большим знатоком Торы, а тем более Мишны, требующей острого ума, чтобы находить тайное в явном. И все же, если человек годами сидит в синагоге, а просиживать дни напролет без дела нету сил, он открывает книгу. Вот сидит он перед книгой, а буквы сами взлетают и вливаются к нему в глаза. И если Бог даст, то буквы сами сложатся в слова, а слова – в смысл. И служка завел привычку сидеть перед книгой Мишны. Чтение ее благотворно для души, ведь в слове *Мишна* те же буквы, что и в слове душа – *Нешама*. Он выбрал двадцать две главы, по числу букв алфавита, и каждый день складывал их по буквам имен умерших, за которых он брал плату. Скажем, если имя умершего было Аврум, то

главы подбирались так: букве «А» соответствовала глава «А вот четыре вида ущерб», букве «В» – глава «В чем надлежит выходить женщине», букве «Р» – глава «Рабби Элизер говорит об обрезании», букве «У» – глава «Уехал муж с другой женой в заморские страны», букве «М» – глава «Молитвы скорбящих». Так же складывались главы по буквам имени отца умершего и по буквам слова «душа». И так же поступал служка с женскими именами. Каждый день он сидел и повторял главы Мишны по именам тех умерших, за которых взял он плату.

В тот день не одолел он ни одной главы, как будто уже пробил час и все спящие во прахе восстали из могил и не ждут больше чтения Мишны за упокой своих душ. Служка сидел и размышлял о своих поступках. И вот его проступки стали казаться ему ошибками, а ошибки – пустяками. Как будто грешки, совершенные намеренно, были оплошностями, а на свои оплошности стал он смотреть с удивлением, как бы вопрошая: неужели ты и это заметил? И все же его мучило раскаяние.

3

Дверь отворилась, и вошел бродяга.

Шляпа мягкая, одежда – заплатка на заплате, башмаки висят на плече, и весь он – нищий из нищих, такой, у которого нет ничего за душой, кроме его нищеты.

Служке показалось вдруг, что он видит отца того самого умершего мальчика. В действительности не было между ними ничего общего: бедность одного глубоко схоронилась в его одежде, нищета же другого кричала из каждой заплатки.

Но служка, в чьих ушах звенело до сих пор проклятие вдовы, вспомнил о ее умершем муже и вообразил было, что видит его.

Бродяга похлопал служку по плечу, как это делают проходимцы, заискивая, хватая за руки и тиская брюхо.

– Что с тобой, дорогой мой, – сказал он при этом, – чего грустишь? Мы, слава Богу, евреи, а еврей всегда и везде должен радоваться, что он еврей. Твое лицо так мрачно! Неужели ты забыл, не дай Бог, что ты еврей?

Служка сердито глянул на бродягу и хотел было выгнать его взашей из синагоги, но вдруг подумал: «Погоди-ка, иногда и такой человек может пригодиться». Его лицо просветлело, он гостеприимно протянул незнакомцу руку и ответил:

– Ты хочешь знать, отчего я грущу? Что ж, я тебе расскажу. Да ты садись, не стой, ты, видно, устал с дороги; ты, чай, не в карете сюда пожаловал. Садись, садись, приятель. Вот сюда садись, на эту скамеечку. Э-хе-хе, скамеечка-то эта принадлежит таким важным господам, что мы с тобой, приятель, были бы рады, если бы у нас было столько квашеных кабачков, сколько у них золотых монет. Теперь, когда ты сидишь, я тебе отвечу. Ты спрашиваешь, чего я грущу? Скажу тебе все по правде, как другу. Хотя я вижу тебя первый раз в жизни, у меня такое чувство, будто мы вышли из одного чрева, будто мы близнецы. Без лишних приготовлений начну с главного. В эту субботу читают главу «Когда ты придешь», а в ней – проклятия. Сегодня уже четверг, а я еще не нашел того, кто взойдет к Торе, и если не найду, то придется – мне. Думаю, ты меня понимаешь, приятель.

Поглядел на него бродяга и сказал:

– Что ты такое говоришь, дорогой мой? Разве может еврей огорчаться из-за того, что ему выпала честь взойти к Торе? Напротив, всякий от радости стал бы раздавать милостыню направо и налево. А ты боишься, что тебя вызовут к Торе?! Не сердись, но я не настолько глуп, чтобы поверить в это. Если бы не твоя борода и пейсы, я бы подумал, что ты просто шут.

Удивился служка: ему говорят о проклятиях, а он заладил: это большая честь – взойти к Торе.

Так бестолковая деревенщина берет петуха для ритуала искупления и произносит при этом благословение «Да будет благословен сотворивший человека с мудростью».

Служка уже жалел о каждом слове, потраченном на этого бродягу, и уже готов был развернуться и бросить его, но сердце что-то подсказывало ему и почему-то при этом цитировало Мишну: «У каждого человека есть свой час, и у каждой вещи – свое место».

– Не много же ты преуспел в Торе. Что ж, не всем везет, – сказал он бродяге, – вот почему не видишь ты разницы между главами с проклятиями и другими главами.

Глаза бродяги засмеялись, и он сказал служке:

– За кого ты меня принимаешь, друг мой, за невежду? Хочешь, я прочту тебе проклятия из главы «Если по уставам Моим» и из главы «Когда ты придешь», и ты увидишь, что я не совсем безнадежный неуч.

– Замолчи! – закричал на него служка. – Закрой рот!

Но бродяга сказал ему:

– Дорогой мой, у тебя что, уши заложило? Я ведь хотел прочесть тебе слова Бога живого, а ты... Уж не обессудь, когда бы не было грехом подозревать в чем еврея, я бы решил, что ты отклоняешь ухо свое от слова Торы. Вся Тора – это добро, благословение и жизнь, а ты боишься, что тебя призовут к чтению проклятий. Тебе бы радоваться, что будешь ты стоять рядом с чтецом Торы и услышишь каждое шепотом произнесенное слово. Не будь мы с тобой в святом месте, я бы сказал, что ты смеешься надо мной. Ты боишься, что тебя призовут к речению о проклятиях, речению, сказанному Богом устами Моисея!

«У этого бродяги ума-то не палата, – подумал служка, – зато хороший характер. Если я его попрошу, может, он и выйдет к чтению Торы вместо меня. Напрасно я тревожился. Теперь мне не о чем беспокоиться, разве только о том, что я беспокоился прежде. И все же это как-то странно: он знает обе главы о проклятиях, но не понимает их сути».

4

– Ты, конечно, прав, приятель, – сказал служка бродяге, изображая полнейшую невинность, – все главы Торы святы, и всех их мы любим одинаково; вот только каждый любит их по-своему. Один любит взойти к Торе третьим по очереди, потому что в раю Авраам читает Тору третьим; ведь Аарон – коэн и поэтому восходит первым, а Моисей – левит, и потому он – второй. Иные же любят мафтир, кто из-за благословений Пророков, а кто – чтобы голос показать. И еще есть всякие людишки, те, что зовут себя хасидами, так они рвутся к чтению Торы шестыми! Вот и не удивляйся теперь, что такой человек, как я, решил дать другому взойти к Торе вместо себя.

Скажи-ка лучше вот что, приятель, – продолжал служка, – что касается благословений на чтение Торы, то я знаю людей, которые спорят да философствуют выше крыши, а когда нужно произнести благословение на Тору, они одну его половину глотают, а другую икают, потому что просто не знают благословения. *Цорва ме-рабанан*,¹ а при этом полнейшие невежды. Ты не обижайся, я только хотел тебя спросить. Лишний вопрос не грех. Скажи мне, приятель, ты знаешь благословение на чтение Торы?

Поглядел на него бродяга и сказал:

¹ Цорва ме-рабанан (*арамейский*) – буквально: обожженный мудрецами; начинающий ученик, еще не достигший уровня мудрецов, либо человек, вращающийся в обществе мудрецов.

– Да разве найдется такой еврей, который не знает? Если человек знает благословения на пищу и питье, которые лишь мгновение и прах, то тем более – на Тору, источник нашей жизни и долгоденствия. Если хочешь, я прочту тебе.

– Нет, просто так не произносят благословения, – сказал служка, – в них есть святые Имена, которые нельзя произносить понапрасну. Я и так вижу, что ты их знаешь. Как умножились грехи наши, так умножились и невежды, которые не могут ни одного благословения произнести как следует. Вот у меня был случай: один жених в субботу, во время семидневного свадебного пира, вышел читать Тору; так если бы я не стал стучать по столу, как будто призывая народ перестать болтать, то все бы услышали, что он не знает благословений!

Бродяга вздохнул:

– Наверное, он из бедной семьи, и у его родителей не было средств на его обучение.

– Да какой бедный, – ответил служка, – дай Бог, чтобы у нас с тобой по субботам и праздникам было то, что он лопаёт по понедельникам и четвергам! Кто не учит Тору от бедности, а кто – от богатства. Жених тот был из богатой семьи. Если бы я его не выручил, они бы провалились от стыда сквозь землю. И что я получил за это? Несколько затертых медяков.

Пока служка разговаривал с бродягой, сердце ему шептало: «Не сказки надо сказывать, а дело делать». Он по-дружески положил руку на плечо незнакомца и сказал:

– Пойдем ко мне, приятель, позавтракаем. Я думаю, у меня найдется редька, и несколько луковиц и кабачков, и, может быть, немного кислого молока. Ряженка для сердечка – что для волка овечка. Говоря по-простому, молочко кислое сердце напоит, кто его выпьет – не знает боли.

Сказал бродяга:

– Не нужно.

– Что не нужно? Кушать не нужно? Это что-то новое.

– Не стóбит.

– Что не стóбит, кушать? Как там сказано в Писании: я был молод и состарился, но ни разу не видел человека праведного настолько, чтобы тот не хотел есть.

– Когда у тебя краюха в котомке, зачем беспокоить других?

– И где же твоя котомка и твоя краюха?

– Я их в ларце оставил.

– В ларце? Так у тебя есть ларец? Значит, ты не с пустыми руками сюда пришел. Только где же он, твой ларец? Нет здесь никакого ларца.

– Я его в сенях оставил.

«Зачем я с ним препираюсь? – подумал служка. – Довольно мне и того, что вовремя подвернулся человек для проклятий. Только бы не случилось со мной того, что случилось с тем служкой, который семь дней откармливал у себя нищего, а за пару стихов до начала проклятий гостюшка взял да и упорхнул».

Стараясь его увлечь, служка стал рассказывать бродяге о разных знатных господах и о том, насколько богат этот, и насколько богат тот, и сколько этот дал приданого своей дочери, и сколько тот потратил на аттестат ста раввинов для своего сына.

Сказал странник:

– Если бы я не торопился, я бы изрешетил свои уши, чтобы тебя послушать.

– А куда ты торопишься?

– В Переволоку.

– И что там?

– В Переволоке у одного человека сын родился.

– Ну и что, что сын родился?

– Я хочу поспеть к обрезанию.

– Если ты хочешь выпить, так у меня дома полная бутылка, а если поесть – так в Бучаче простая лепешка лучше всех пирогов на свете. Рабби Захария, сын Рабби Лейбуша, предводителя, да упокоятся они в раю, поехал однажды к своему тестю в Подгайцы. Когда он вернулся, его почтенная матушка спрашивает: «Чем же тебя теща кормила?» Он ей и отвечает: «Во все это время не переводились самые изысканные яства на столе, но все они не стоят и простых лепешек, что печет жена нашего служки». И ты знаешь, приятель, кто это такая? Моя бабушка! И моя мать, пухом ей земля, переняла это умение, и моя жена. Пойдем ко мне, благословим Всевышнего за хлеб за соль.

– Твои слова милей мне всех разносолов на свете. Однако я спешу: хочу попасть в Переволоку засветло, чтобы услышать, как дети читают молитву «Шма Исраэль» перед роженицей.

Засмеялся служка и сказал:

– Вот так диво – молитва деревенских детишек. Если ты хочешь услышать, как дети читают «Шма Исраэль», дождись вечерней молитвы, и ты услышишь не только «Шма Исраэль», но и поминальную молитву. Так грешен наш век, что многие умирают молодыми, оставляя маленьких сирот. О чем ты вздыхаешь? Об умерших евреях? Что ж, об этом не грех и повздыхать, только теперь ты видишь сам, что незачем тебе шататься по деревням в поисках родного слова. Я не погрешу против правды, когда скажу, что эти, в деревнях, как быки на полях, половина – невежды толоконные, половина – гои полные. Ну, родился ребенок в деревне, так что? Элиягу тебе там не встретится.

Улыбнулся странник и промолчал. А служка продолжал:

– Вот и башмаки твои... Сомневаюсь я, дойдут ли они до деревни-то. Бери свой ларец, и пошли со мной. Зачем тебе оставлять его на улице, если можно положить его у меня дома. Не то чтобы здесь были воры, просто руки у людей уж больно хватки: чего ни увидят, враз хватают. Если он тяжелый, я тебе подсоблю.

Рассмеялся странник и сказал:

– Он легкий, как бедняцкий кафтан зимой. Ну а если его и тронет кто, невелика беда.

Служка порылся в карманах и вытащил монету:

– Вот, возьми.

– Что это?

– Деньги.

– На что мне деньги?

– Если захочешь стаканчик вина или фруктов, будет чем заплатить.

– Евреи милосердны: если замучает голод, кто-нибудь да накормит, если жажда – напьюсь из родника или колодца.

– С копеечкой в руке никогда не пропадешь.

– С копеечкой в руке мне придется ходить со сжатым кулаком, и все подумают, что я ростовщик. Получится, что из-за меня люди станут думать о евреях недоброе, да и на себя накликаю беду.

Служка понял, что уговоры напрасны, и понадеялся на Всевышнего: как Он послал ему сегодня этого бродягу, так Он и вернет его в субботу к самому сроку. На всякий случай, решив опередить провидение, служка спросил его, когда он вернется, и получил ответ:

– Если Бог даст, к субботе.

Служка видел, что он не врет. И все же он побаивался, что его нищий может попасть в другую синагогу, и там уж его, конечно, затащат на чтение проклятий. Вот в прежние времена было хорошо: тогда весь город молился в одной синагоге... А теперь, когда в городе пять синагог, приходится опасаться, как бы не выхватили бродягу у него из рук. На самом деле в те времена в Бучаче было шесть синагог, но шестую, хасидскую, служка Йоэль-Йона синагогой не считал.

Пока служка тосковал о безвозвратно минувших стародавних временах, странник ушел на церемонию обрезания.

5

Настало время встречи субботы, а бродяга не вернулся. Не вернулся он и после наступления темноты. Служка начинал беспокоиться, но отчаиваться было еще рано. «Если он не пришел на молитву, – уговаривал он себя, – придет после молитвы. Я же сам ему сказал, что у нас есть немало знатных господ, а нищие всегда тянутся к столам богачей». Но когда закончилась вечерняя молитва и нищие окружили служку, прося пристроить их к хозяйским домам, странника среди них не было.

Тревога все больше охватывала служку. «Завтра, завтра...» – повторял он себе на грани отчаяния. Служка скучал по нему, и злился на него, и отчитывал его всю ночь: «А как же твое обещание? Ведь ты же сказал, что придешь!» Но бродяга не появился и после утренней молитвы, и, когда стали вынимать свиток Торы, Йоэль-Йона начал готовиться к худшему.

Свиток достали и положили на стол. Габай стал распределять очереди, а служка встал у него за спиной, на всякий случай; например, на тот случай, если кого-то вызывают к Торе не тем же именем, которым его зовут на рынке; или если распорядитель забудет имя отца того, чья очередь читать; вот тогда он и посылает служку спросить.

А служка стоял, и перед ним один за другим поднимались люди к Торе, и вот уже прошел четвертый, и пропала последняя надежда. Он уже больше не поднимал глаз на дверь в ожидании увидеть в ней его бродягу, и готовился взойти к Торе шестым и услышать отрывок главы, в котором и звучат проклятия. Бродяга уже не придет, закрылись все врата надежды.

И вдруг служка почувствовал, что он здесь. Йоэль-Йона не смотрел на дверь и не слышал, как она отворилась, но точно знал, что бродяга стоит у двери. Как это произошло, служка не знал, да и нам это неизвестно.

Он боялся поднять глаза на дверь: а что, если ему показалось, даже наверняка показалось. И тут бродяга появился прямо перед ним, лицом к лицу. Служка увидел его чистое, невинное лицо и подумал: «Он не станет юлить, он сдержит обещание». В одно мгновение в голове у него пронеслось все то, что он за многие годы узнал о заповеди держать слово. «Изреченное устами твоими соблюдай», – так гласит Тора, а то, что сказано в Торе, все евреи обязаны выполнять. Остерегайся даже тени сомнения: если еврей дал слово, будь уверен, что он сдержит его. Этим и вера укрепляется: человек видит, что ему доверяют, – и выполняет свое обещание. И если еврей доверяют друг другу на земле, то им доверяют и на небе. И исполняется все то, что им было обещано.

Умиляясь, служка подошел к страннику и ласково его спросил:

– Как твое имя?

Тот сказал ему свое имя.

– А как имя твоего отца? – спросил снова служка.

Странник сказал ему имя своего отца.

– Ты знаешь, мой дорогой, для чего я спрашиваю тебя о твоем имени и об имени твоего отца? – сказал служка. – Я собираюсь пригласить тебя к Торе, как приглашают уважаемого гостя.

Но странник ответил:

– К сожалению, ты опоздал! Сколько радости, сколько удовольствия ты бы мне доставил, если бы пригласил меня чуть-чуть раньше.

– А какая тебе разница, раньше или позже? Чем пятая часть нехороша? Разве она не одна из семи? – схитрил служка, назвав шестую часть, часть о проклятиях, пятой.

Сказал ему странник:

– Дорогой мой, ты хочешь вызвать меня шестым к Торе, но дело в том, что я – коэн, а коэн идет первым.

Служка расвирипел, его глаза сверкнули так, что, казалось, сожгли бы бродягу, если бы только могли. А бродяга, засунув руки за пояс и смеясь одними глазами, сказал:

– Не стоит сердиться, мой дорогой, не губи своей радости, своей субботы. Все до единого слова Торы – это любовь и милость, добро и благословение. Поспешите же, взойдите к Торе, не заставляйте ее себя ждать. Вот и габай уже сердится, что ты задерживаешь чтение.

Йоэль-Йона так посмотрел на него, что едва не испепелил взглядом.

Взгляд странника, полный любви, ласково обнял его. И тут сердце служки сжалось и наполнилось любовью. Его гнев улетучился, и вслед за любовью в его сердце проникла радость.

Он подошел к Торе и, коснувшись древка Свитка, произнес благословение, да с такой радостью, словно перед ним была глава «И вот благословение».

От его радости радостью наполнился весь дом молитвы, и от этого удвоилась радость Йоэль-Йоны. Такова настоящая радость: она растет, и множится, и увлекает за собой других.

6

После молитвы Йоэль-Йона подошел было к скамейке для бедняков, чтобы пригласить бродягу на обед, но не нашел его. Он решил, что его опередили. Некоторые хозяева, боясь остаться на субботней трапезе без гостей, спешат первыми схватить нищего и затащить к себе.

Поняв, что ничего не поделаешь, Йоэль-Йона сказал себе словами странника: «Не губи своей радости, своей субботы». Что сделано, то сделано. Он вернулся домой, произнес Кидуш, омыл руки, сказал благословение на хлеб и перешел к песнопениям. Служке вспомнился необычно приятный голос странника, и он сказал:

– Будь он здесь, мы бы услышали новые мелодии субботних песнопений.

Вспомнив о бродяге, Йоэль-Йона стал говорить о нем со своей женой:

– Появляется какой-то залетный гость и всю душу мне выворачивает наизнанку. Ты помнишь, Браха-Гитл, сколько я хлопотал да суетился каждый год, чтобы найти себе сменщика на главу проклятий? Теперь жалею: а ведь мог бы все эти годы участвовать в чтении Торы. Умножающий годы умножает знание. И еще находятся люди, которые считают себя умнее своих отцов. Не умны они, а глупы. А что до гостя, если я не успел пригласить его на обед, то приглашу на ужин.

Однако эта мысль утешила его ненадолго, ибо вечерняя трапеза – не дневная, в которой есть Кидуш на вино, и к которой приступают, будучи изрядно голодными, и в которой, кроме пирога, бывает много других изысканных кушаний. Как говорится, по гостю и каравай. Совсем не то вечерняя трапеза: за стол садятся сытыми, только для порядка, да и едят, только чтобы произнести благословения – на хлеб и на пищу.

Сидел Йоэль-Йона и недоумевал: простой нищий бродяга, а сердце рвется снова его увидеть. Хотя люди тоскуют иногда друг по другу, никто не знает, откуда берется тоска. Если причина в нем, то почему я раньше не тосковал по нему? Но ведь теперь я другой, потому что узнал его, значит, дело не в нем, а во мне. Но если так, то почему я узнал его только сейчас? Так или иначе, не стоит тратить время на лукавые мудрствования, когда перед тобой субботние блюда.

Йоэль-Йона отогнал эти странные мысли и приступил к обеду, в котором были и халы, и сливовица, и разные лакомства. Он не остался неблагодарен и, не

скупясь, нахваливал свою жену за каждое блюдо, однако всякий раз он приговаривал:

– Вот если бы с нами обедал наш гость, то было бы еще лучше.

– Если так, то давай оставим для него от каждого кушанья, и он сможет отведать их вместе с тобой во время третьей трапезы.

– В самом деле, – сказал он, – отличный совет, и как это я раньше не додумался. Верно, я об этом думал, да от волнения позабыл. Да, я его приглашу на третью трапезу. Велики деяния Господа, позволяющего человеку в любое время исправить свои поступки. Что не удалось в этот раз, получится в другой, – заключил он, готовясь начать песнопения.

Когда трапеза была закончена, Йоэль-Йона стал произносить благословения, а Браха-Гитл сидела и ловила каждое его слово и всякий раз отвечала «Амен».

Потом Йоэль-Йона встал из-за стола и лег на кровать, чтобы насладиться субботним послеобеденным сном. Как говорят люди, сведущие в знамениях, слово СУББОТА можно истолковать так: Сном Удовольствия без Боли и Бед Одарят Тебя Ангелы. И правда, субботний сон – это истинное удовольствие. В будние дни лежит человек на кровати, а его мыслям нет покоя от дел и забот. Другое дело в субботу, когда не может быть ничего лучше, чем сон ради заповеди субботнего отдыха.

Йоэль-Йона лежал и представлял себе, как за столом сидит его бродяга и ест, и пьет, и наслаждается, как может бедняк наслаждаться только в гостях у бедняка. Богач всегда сыт, и потому не станет он много есть и даже подумает: вот я богат и мой стол всегда полон, однако же я довольствуюсь малым; тот же, кто беден, наверное, ест еще меньше. И что же ждет этого бедняка? Он остается голодным.

Только бедняк понимает бедняка и знает, что он голоден всегда, и когда он принимает его в гостях, то старается во что бы то ни стало насытить душу всем тем, чем и тело насыщается, а уж душа насладится вместе с телом непременно.

Так лежал Йоэль-Йона и представлял себе, будто странник сидит за его столом, который ломится от яств Брахи-Гитл. Шесть дней в неделю пуста тарелка служки, но она всегда наполняется в субботу, иногда по милости Всевышнего, который подсовывает ему монетку, а иногда по мудрости Брахи-Гитл, которая берет кучу костей и превращает ее в мясное кушанье, также по мудрости Всевышнего. Ни благословений, ни молитв не знает она, кроме одной коротенькой молитвы на идише: «Создатель всех созданий, Тебе одному хочу я служить истинно». И вот дал ей Бог разума приготовить лакомые кушанья на радость мужа.

Явился к Йоэлю-Йоне Властелин снов и сделал то, что не смогла сделать Браха-Гитл. Простую бедняцкую еду приготовила ему его жена, а пришел Властелин снов – и превратил ее в царские яства. Кость, на которой не было мяса и с оливку, превратилась в жареных голубей. «Голуби, голуби», – облизываясь, пробормотал он одними губами. И если бы он не проснулся от влюбленного воркования голубей на окне, то та каша, что приготовила ему жена на субботнюю трапезу, наверняка превратилась бы в лапшу в индюшином соусе.

Великий чудесник он, Властелин снов; даже начальник поваров фараона, который умел вместить шестьдесят вкусов в одно блюдо, рядом с ним только подмастерье.

Йоэль-Йона проснулся, омыл руки и встал с кровати. Жена принесла ему полный кувшин фруктового компота, остуженного с субботнего вечера в бочке с холодной водой. Он благословил, и выпил, и снова благословил, и засобирался в синагогу. Выходя, он сказал жене:

– Ну что ж, Браха-Гитл, сразу после дневной молитвы я вернусь с гостем.

– Не волнуйся, – ответила она, – обещаю, он не уйдет из нашего дома голодным, да и ты будешь сыт.

Когда служка пришел в синагогу, он уселся на свое место у печи. Своя рубашка ближе к телу, и поэтому он начал с того, что произнес главу из «Речений Отцов», чтобы, прежде всего, его долг по чтению Мишны был на сегодня исполнен. Он также решил прочесть, если останется время, несколько глав Мишны за упокой душ умерших, за которых он взял плату. С тех самых пор, как случилась эта история с мальчиком, поведавшим матери, что ни одного еврейского слова не было сказано в этом мире за упокой его души, – с того самого дня Йоэль-Йона старался, чтобы ни один день не проходил без чтения глав Мишны.

Он сидел и читал, но, слетая с его уст, слова уносились прочь. Он смотрел не столько в книгу, сколько на дверь, ожидая, не появится ли в ней бродяга. Но бродяга не появился. «Не губи свою радость, свою субботу», – вяло и мрачно повторил Йоэль-Йона слова бродяги, которые тот произносил весело и радостно.

К чему останавливаться на этом гнетущем душу мгновении? Не явился бродяга и после полудня – ни к чтению Торы, ни к молитве. Йоэль-Йона снова промямлил слова, сказанные ему бродягой. Однако их звонкая радость отзывалась на устах служки жалким бормотанием. «Если он не пришел к дневной молитве, – думал Йоэль-Йона, стараясь не отчаиваться, – то придет к вечерней; если он не попал ко мне на третью трапезу, то попадет на трапезу Проводы Царицы Субботы». Что придавало ему силы и удерживало от отчаяния? Что же, как не славные кушанья, оставленные им на последнюю трапезу.

Когда не везет, то и гость не идет. Уже вышла суббота, миновала вечерняя молитва, а бродяга так и не пришел. Где он был на вечерней молитве? Да там же, где и на дневной. Разве мало синагог в Бучаче? Когда-то весь Бучач помещался в одной синагоге, а сегодня их пять, а если считать и хасидскую молельню, то и все шесть.

Йоэль-Йона поплелся домой один, без странника. Он совершил Авдалу и исполнил песнопения в честь окончания субботы. Его голос никогда не был мелодичным, но тот голос, которым произносил он в этот раз субботние песнопения, больше подошел бы для похорон. И так он был удручен тем, что бродяга не вернулся, что ничего не изменилось в его голосе, даже когда он упомянул пророка Элиягу, которого евреи поминают с радостью, тоской и надеждой, что придет он скоро, а вместе с ним – и Мессия из дома Давидова. Не станем задерживаться на всех вздохах Йоэля-Йоны. Есть ли человеку польза от вздохов его, нет ли, Йоэлю-Йоне они вряд ли помогли. А посему, оставив сомнения в стороне, скажу только то, в чем нет никакого сомнения: если задумал человек исполнить заповедь, но, по принуждению обстоятельств, не смог, все равно считается, что он ее исполнил. Так говорят, если собирался он исполнить заповедь ради нее самой. Но сердце служки тянулось не к самой заповеди, а к страннику, как у человека, тоскующего от любви.

Еще затемно поднялся Йоэль-Йона с постели и пошел в синагогу доделывать то, что не сделал он с вечера из-за своих переживаний. Убрал скатерти, разостланные с начала субботы, сменил субботнюю завесу Торы на будничную, поправил свечи, долил масла в неугасимый светильник, а также в свечи, зажженные в память об умерших и в честь годовщин, – как бы какой-нибудь свече не вздумалось вдруг закрыть свой глаз прямо посреди дня, да еще когда родственник умершего находится в синагоге и, конечно, подозревает служку, что тот не долил в свечу масла. Завершив свои дела, еще раз оглядел все вокруг, чтобы убедиться, что ничего не забыл. В мире столько злости, что, сколько ни старайся, упреков не избежать.

Тем временем рассвело, и люди стали собираться на молитву. После молитвы «Алейну» сироты и те, кто отмечают годовщину смерти своих родных, окружили ковчег Торы, и Йоэль-Йона вместе с ними. Они произнесли поминальную молитву: сироты – в знак их траура, остальные – в честь годовщин, а Йоэль-Йона – ради тех,

кто его нанял. После всех поминовений вдруг вспомнил о страннике и удивился: никто не знает этих залетных гостей лучше, чем служки синагог, которые мигом смекают их суть, но этот бродяга... Никак не мог Йоэль-Йона раскусить его. Бродяга он, такой же, как и все прочие бродяги, что ходят по стране; но и не такой, все в нем отличает его от обивающих пороги оборванцев. «Пойду-ка посмотрю, что там в ларце, который он оставил», – подумал Йоэль-Йона, закрыл книгу, поднялся и направился к выходу.

Он вышел из синагоги и повернул к тому входу напротив купальни, где оставил странник свой ларец. Йоэль-Йона столкнулся с ним прямо возле ларца. Он оглядел странника и огорчился: башмаки, висевшие прежде на его плече, исчезли. Ему подумалось, что странник мог отдать их в заклад, чтобы купить себе еды; или, может, какой-нибудь злодей отнял их у него. Откуда ему было знать, что странник отдал их нищему, ибо всякому бедняку может встретиться тот, кто беднее его. Ведь сказано: и продаст человек все, что есть у него, и купит себе башмаки. Но есть те, у кого нет ничего, кроме их бедности, и которым уже нечего продавать.

Они стояли друг против друга, один – подле своего ларца, а другой – медлил, молчал и ждал.

Наконец служка не выдержал и хотел уже было что-то сказать, но тут странник открыл ларец, достал из него какой-то предмет, спрятал его в складках одежды, где-то на груди, закрыл ларец и, ласково поглядев на служку, развернулся и ушел.

Йоэль-Йона очнулся, как ото сна. Он протер руками глаза и посмотрел страннику вслед. Тот неторопливо удалялся прочь. Йоэль-Йона сорвался с места и пошел за ним.

Когда он догнал его, странник остановился и, слегка наклонив голову, поглядел на служку:

– Ты хочешь мне что-то сказать, мой дорогой? Говори, говори.

Йоэль-Йона хотел было заговорить, но не смог раскрыть рта и не сказал ничего.

«Если я не заговорю с ним сейчас, – подумал служка, – то он уйдет, а если он уйдет, то все мои старания напрасны. Ну что же делать, нет сил и слова выговорить. Господи, помоги мне, – поднял он глаза к небу, – иначе все пропало!»

Всевышний увидел, в какой он беде, сжалился и вернул ему дар речи, как сказано: «Кто дал уста немому?!»

– Ты оставил свой ларец, – сказал Йоэль-Йона.

– Пускай себе стоит, – махнул рукой странник.

– Долго?

Странник посмотрел на него, улыбнулся и произнес:

– Пока не придет Элиягу.

И тут вдруг служка понял все.

– Так ведь ты – Элиягу! – воскликнул он.

Странник улыбнулся и исчез.

Велик Бучач. Здесь служка удостоился увидеть наяву то, что великие праведники мечтают увидеть во сне, и не каждому это удается.

Если бы он был служкою в Старой синагоге, известной усердием в Торе молящихся в ней, и благодаря этому досталась бы слава и ему... Но он служил в Новой синагоге, где большая часть молящихся были хозяева, скорее занятые своим хозяйством, чем Торой, хотя, конечно, и их дела были преисполнены веры.

Так завершается эта история о том, чей ларец стоит в сенях нашей синагоги. Вы спросите: для чего такому страннику ларец и если он ему нужен, то почему он его оставил? На эти вопросы нечего ответить, только одним словом: *ТУПИК*, что можно истолковать так: Тишби Управится с Проблемами И Каверзами. Вы также спросите: какой это предмет достал странник из ларца? Некоторые верят, что это

был шофар и что перед приходом Мессии взойдет Элиягу на Масличную гору и затрубит в свой шофар. И зазвучит глас его по всему свету от края до края, от глубин вселенной и до оснований земли. И услышит Народ Израиля, где бы он ни был, и соберутся все изгнанные, и придут в Иерусалим. Да случится это в скором времени, в наши дни, амен.

(Пер. Р. Кацман)